

Елена Николаевна БОЛОТНИКОВА / Elena BOLOTNIKOVA

| Эрозия эгоизма и диффузия жертвенности в современном публичном дискурсе / Erosion of Egoism and Diffusion of Sacrifice in Modern Public Discourse |

Елена Николаевна БОЛОТНИКОВА / Elena BOLOTNIKOVA

*Самарский государственный технический университет
Кафедра философии
Доцент, кандидат философских наук*

*Samara State Technical University, Samara, Russia
Philosophy Department
PhD in Philosophy, Associate Professor
Vlad_lena@mail.ru*

ЭРОЗИЯ ЭГОИЗМА И ДИФФУЗИЯ ЖЕРТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

Дихотомия эгоизм/альтруизм, сформулированная О.Контom, проблематизирует моральный аспект существования индивида и общества в индустриальную эпоху. Альтруизм определяется либо как желаемый горизонт будущего, либо разыскивается в прошлом опыте социальной солидарности. Следы дихотомии еще сохраняются в публичном дискурсе, однако шанса «пасть жертвой собственного эгоизма» у современника становится все меньше. Анализ трактовки самости, «себя» в линии Хайдеггер-Фуко, разбор влияния виртуальной реальности, прогресса технологий и биоинженерии, перспективы пост- и трансгуманизма, распределенное правление сконструированным объектом – населением, – с установкой на здоровье, безопасность и процветание показывают процесс эрозии эгоизма, размывания границ индивидуального я. Выбор между личными интересами и интересами Другого (других) оказывается помещенным в принципиально новые обстоятельства: расширенное в различных векторах и плоскостях Я в пределе совпадает с миром. Анализ практики легальной эвтаназии по-новому ставит вопрос о жертвенности в проекции эгоизм/альтруизм.

Ключевые слова: эрозия, диффузия, жертва, эгоизм, альтруизм, самость, тело, забота о себе, население, ценности, правление.

EROSION OF EGOISM AND DIFFUSION OF SACRIFICE IN MODERN PUBLIC DISCOURSE

The dichotomy of egoism / altruism, formulated by O. Kont, raises an urgent question of the moral aspect of the existence of the individual and society in the industrial age. Altruism is defined either as a desirable horizon of the future, or sought in the past experience of social solidarity. Traces of the dichotomy still persist in public discourse, but the chance to "fall victim to one's own selfishness" is less and less with the contemporary. Analysis of the interpretation of the self, the "self" in the Heidegger-Foucault line, the analysis of the influence of virtual reality, the progress of technology and bioengineering, the prospects of post- and transhumanism, distributed government of the constructed object - a population, - with health, safety and prosperity showing the process of erosion of selfishness, erosion of borders the individual self. The choice between personal interests and the interests of the Other (others) turns out to be placed in fundamentally new circumstances: expanded in different vectors and planes, "I" is in the limit coincides with the world. Analysis of the practice of legal euthanasia in a new way raises the question of sacrifice in the projection of selfishness / altruism.

Key words: erosion, diffusion, sacrifice, egoism, altruism, body, self, taking care of yourself, values, population, governing rule.

Елена Николаевна БОЛОТНИКОВА / Elena BOLOTNIKOVA

| Эрозия эгоизма и диффузия жертвенности в современном публичном дискурсе / Erosion of Egoism and Diffusion of Sacrifice in Modern Public Discourse |

Расхожее высказывание «пал жертвой собственного эгоизма» имеет вполне определенное значение. Это высказывание – маркировка поведения актора (индивидуального или коллективного), означающая, что интересы актора были, во-первых, поставлены выше общих интересов или интересов контрагента, во-вторых, эти интересы были настолько велики, масштабны, объемны, что превысили силы актора, в-третьих, дисбаланс интересов и сил привел к тому, что никакие из ожиданий, интересов актора не смогли быть удовлетворены, выполнены. Противоположной такому поведению выступает позиция альтруизма, которая маркирует действия актора исходя из интересов Другого или общих интересов (коллектива, индивида, группы). Эгоизм предполагает принесение в жертву интересов другого, в свою очередь, альтруизм превращает в жертву интересы самого актора.

Отметим, что дихотомия эгоизм/альтруизм формулируется в XIX в. О.Контom, в условиях индустриального общества, мощного развития капиталистических отношений и выступает как основание оценки морального состояния общества. В «Духе позитивной философии» Конт характеризует эгоизм как губительную систему, которая была свойственна теологической мысли прежних веков, отмечая, что «старый моральный строй был личным»¹. Перспективы развития общества и совершенствования морали он видит в индивидуальном счастье, основанном на инстинкте сочувствия, «ибо доброжелательные чувства суть единственные, которые могли бы свободно развиваться в общезжитии»². Для жизни в таком «светлом будущем», О.Конт напоминает о необходимости «известного постоянного подавления личных побуждений, стихийный рост которых порождал бы беспрерывные конфликты»³. Это напоминание не вы-

глядит излишним, поскольку, с одной стороны, капитализм превозносит индивидуальный успех, частное в противовес общему, а с другой, определение индивидуального неразрывно связывается Контom с «всеобщим здравым смыслом» и ожидания прогресса имеются там и тогда, где и когда индивид избирает всеобщее в противовес частному. Иными словами, от индивидов требуется способность проявлять «великодушные наклонности». Последнее предполагает формирование правил эффективного взаимного действия, позволяющих наибольшему числу людей достичь наибольшего благоденствия в силу взаимных выборов друг друга. Альтруизм рассматривается Контom как наилучшая и притом неизбежная перспектива человечества. Сопоставляя рассуждения Конта с известными положениями моральной теории И. Канта, призывавшего относиться к другому всегда как к цели и никогда как к средству, можно видеть, что французский мыслитель операционализирует проблему целей и средств, придавая ей практическое направление.

Эпоха положительной морали, время торжества альтруистического начала, ожидаемого О. Контom, вряд ли могут быть признаны свершившимся фактом. Расхожее высказывание об эгоизме и его жертвах по-прежнему звучит в публичном пространстве, но очевидно, что изменилась перспектива анализа. В наши дни «жертвы эгоизма» обнаруживаются в дискурсе обществ, имеющих в приоритете солидарность, альтруизм и коллективизм. Именно такие ориентиры декларирует современное российское общество, чьи нормативные акты, социально одобряемые акции, практики, собственно организация городской жизни и культурной среды наполнены значениями и смыслами ценности общего пространства, единства дома, земли, нации, государства. Ценности общей истории и культуры с гораздо большей вероятностью, чем авторские работы получают финансирование, грантовую поддержку, площадки для PR и служат любимыми информационными поводами для новостных изданий. Общество настойчиво стремится

¹ Конт О. Дух позитивной философии. М.: Либроком. 2011. п. 54.

² Там же. п. 55.

³ Там же. п. 56.

Елена Николаевна БОЛОТНИКОВА / Elena BOLOTNIKOVA

| Эрозия эгоизма и диффузия жертвенности в современном публичном дискурсе / Erosion of Egoism and Diffusion of Sacrifice in Modern Public Discourse |

репрезентировать в публичном пространстве самое себя, как объединяющее всех и вся по различным поводам.

Специфической чертой этих попыток увидеть общество, которое, как известно после Г.Зиммеля, «не нуждается ни в каком наблюдателе»⁴, и не может быть зафиксировано извне, является интерес к прошлому. Жан-Люк Нанси справедливо отмечает, что, начиная со времен Руссо «Вплоть до нашего времени история мыслилась на основании потерянного сообщества, жаждущего своего обретения или реконституирования»⁵. Такой образец утраченного единства может быть «приземлен» на любую историческую почву, чья главная характеристика – прошедшее время. Для современного российского обывателя площадкой эталонной, но почему-то утраченной солидарности и единства, может выступать древнерусское поселение, ячейка коммунистической партии, советский период жизни общества. От мельчайших деталей быта и интерьера и до программных речей и текстов все эти исторические формы единства общества мыслятся как образцовое пространство подлинной связи между людьми, в которых не было места эгоизму, индивидуализму, априорной ценности конкретного индивида. В публичном дискурсе рисуются картины естественной связи и теплоты, эмоциональной близости и общности людей, живших в недалеком и возможно даже обратимом прошлом. Альтруизм в этом контексте выступает как базовая ценность, как экзистенциальный выбор, ведущий к обретению счастья, благополучия, экономического, политического и нравственного процветания. Однако, современники, в отличие от Конта, обнаруживают его не в будущем, а в прошлом состоянии общественной жизни. Этому, безусловно, способствует сохранившийся в архивах медиаконтент XX века (теле, видео, радио, пе-

чатная продукция). Символические ряды советского прошлого ретранслируют в современных медиа, как «горячих», так и «холодных», проблематику солидарности, риторику победных речей и масштабных достижений, репрезентируют в эмоционально окрашенном виде идеологическое наследие коллективного альтруизма и жертвенности. Предполагаемое торжество альтруизма в прошлом становится платформой для критики актуального состояния социальной реальности. Современное общество характеризуется как такое, которое «невольно создаёт одиночек, планируя и желая воспитать граждан свободного суверенного сообщества»⁶.

Если ищущему взгляду альтруизм открывается либо в ретроспективе, либо в перспективе, то очевидно есть некоторые трудности в поиске альтруизма в актуальном настоящем. Как же обстоят дела с дихотомией эгоизм/альтруизм в наши дни? Наша гипотеза состоит в том, что эта дихотомия утрачивает свою актуальность. Представляется, что существует ряд аргументов в пользу того, что происходит процесс эрозии эгоизма и связанный с ним процесс диффузии жертвенности.

По определению, эрозия – разъедание, разрушение горных пород и почв поверхностными водными потоками и ветром, включающее в себя отрыв и вынос обломков материала, сопровождающееся их отложением. Под эрозией эгоизма мы понимаем своеобразное «разъедание», вымывание индивидуалистического начала в человеке силами внешних в смысле наблюдаемых обстоятельств, изменение ландшафта человеческого эго.

Первым аргументом послужит для нас развитие виртуальной реальности. Ее тотальное внедрение во все сферы человеческого бытия, свершающееся здесь и сейчас переформатирование действительности в связи с виртуальностью приводит к тому, что никакие индивидуальные мотивы и интересы не остаются собственно индивидуальными

⁴Зиммель Г. Избранное. Т.2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. (Лики культуры). С. 510.

⁵ Нанси Ж.-Л. Невоспроизводимое сообщество / Пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е.Троицкого. М.: Водолей, 2009. С. 35.

⁶ Нанси Ж.-Л. Невоспроизводимое сообщество. М.: Водолей, 2009. С. 35.

Елена Николаевна БОЛОТНИКОВА / Elena BOLOTNIKOVA

| Эрозия эгоизма и диффузия жертвенности в современном публичном дискурсе / Erosion of Egoism and Diffusion of Sacrifice in Modern Public Discourse |

ми. Для того, чтобы найти то всеобщее, в пользу которого можно было бы сделать выбор и стать альтруистом, на сегодня достаточно лишь незначительных умений ориентироваться в интернет-среде, достаточно быть хоть сколько-нибудь серфером виртуальной реальности. Таким образом, индивид стремясь удовлетворить свой собственный интерес в чем-либо, всегда может найти сообщество, превращающее этот «свой» интерес в групповой, в пределе – во всеобщий.

Следующим аргументом послужит аргумент топоса, места, в котором эго или индивидуальное начало сосредоточено. Прикрепляемое ранее к телесной организации (античность), духовному поиску, теологическим ориентирам (Средние века), силе разума (новоевропейская история), масштабу собственности, производительности труда (капитализм) и проч. личностное начало в человеке, претендующее на приоритет перед общими интересами или интересами Другого отныне не конкретизируется подобными формулами. И дело вовсе не в том, что невозможно выделить одну ключевую, парадигмальную теорию в отношении человека, которой придерживалось бы компетентное большинство. Благодаря развитию биоинженерии, трансплантологии, генетики, НБИКС-технологий, клонированию, практикам улучшения человека / улучшения терапии, о чем ведут дискуссии медики, этики, нейроинженеры, сомнительным на сегодня выглядит даже утверждение о топосе моего индивидуального тела, в котором может быть сосредоточено искомое эгоистическое начало. Если большая часть органов современнику может быть трансплантирована, то встает вопрос о том, в какой мере мое тело собственно мое? Децентрация субъекта, происходящая на наших глазах, в прямом и переносном значениях размывает границы индивидуальности.

Вместе с тем, не только достижения науки и техники проблематизируют вопрос о теле как топосе эго. Дискуссии, ведущиеся в интеллектуальных кругах о субстанциональном характере тела, ранах и травмах, о боли, как маркировке, опре-

деляющей мое тело и, следовательно, меня самого, казалось бы, ставят точку в вопросе о топосе индивида – то, что болит, то и есть «мое». Отсюда просматриваются координаты эгоистического начала, личных интересов, желаний, стремлений и проч. Однако вспомним о феноменах фантомной боли, об определении боли как «психофизического события» и вчитаемся в феноменологическую трактовку телесности, представленную М. Мерло-Понти. Другой неизбежно существует если существую «я», мы не рядо-, но взаимоположены друг другу. «Чтобы слово «другой» не было пустым звуком, необходимо, чтобы мое существование никоим образом не сводилось к осознанию существования, чтобы оно включало также возможность сознания «другого» и, стало быть, мое воплощение в природе и возможность, по меньшей мере, исторической ситуации»⁷ – отмечает мыслитель. Очевидно, что «...вокруг нашего личного существования лежит окраина существования почти безличного, так сказать, само собой разумеющегося, которому я поручаю заботы по удержанию меня в жизни вокруг людского мира, который каждый из нас создал для себя, – мир вообще, к которому надо принадлежать, чтобы иметь возможность замкнуть себя в частной сфере любви или тщеславия»⁸. Так упряжка «эгоизм+тело» оказывается плохо функционирующей. Само тело человека как совокупность органов восприятия с неизбежностью ориентировано на схватывание и удержание мира, на его раскрытие и тем самым не может считаться колыбелью чистого «эго».

Аргумент экзистенциальный. Э. Фромм указал на две возможные проекции человеческого бытия, способы существования, определив их как «Иметь или быть»⁹. Очевидно, что широкая трак-

⁷ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Перевод с французского под редакцией И.С.Вдовиной, С.Л.Фокина. Санкт-Петербург, Ювента, Наука. 1999. С. 11.

⁸ Там же. С. 120.

⁹Фромм Э. Иметь или быть. Перевод с англ. Изд. АСТ, М., 2000.

Елена Николаевна БОЛОТНИКОВА / Elena BOLOTNIKOVA

| Эрозия эгоизма и диффузия жертвенности в современном публичном дискурсе / Erosion of Egoism and Diffusion of Sacrifice in Modern Public Discourse |

товка «быть» отсылает нас не к приоритету эгоизма, а зовет к бытию в гармонии с миром, к отказу от превращения мира, общества, Другого в средство, оставляя за самим собой статус цели. В этом случае важно не то, как много людей стремятся следовать принципу солидарности, а сама проблематизация способа бытия человека с конкретизацией возможных вариантов, выход за пределы солипсизма. Признавая возможность, ориентир совпадения индивида не с миром вещей, но с миром в целом мы вновь обнаруживаем разрушение горной вершины эго.

Аргумент социально/политический. «Себя» индивида радикально трансформируется примерно с того самого исторического момента, когда на смену монаршему правлению и пастырской власти приходит власть бюрократии и государства, работающего со своим сконструированным специфическим образом объектом – с населением. М. Дин отмечает, что для населения определяется три цели – здоровье, безопасность, процветание.¹⁰ Всей мощью государственной машины, включая и антидвижение, утверждается ценность подобных ориентиров для каждого члена общества. И тогда, в аспекте определения себя индивид встает в один ряд общих условий, обеспечивающих контроль безопасности, формирующих потенциал процветания и организующих заботу о здоровье. В этом ракурсе он превращается в неразличимый элемент объекта управления государства – в население, в котором, приобретая социальное лицо, он утрачивает индивидуальные границы.

Существенное значение имеет вопрос о самости. Одним из актуальных подходов в понимании самости можно считать трактовку, предложенную Фуко. Его исследования содержат схему заботы о себе, которая включает аскетические практики, модус подчинения, телос и этическую субстан-

цию¹¹. Собственно сама забота означает динамическую проекцию данной структуры, действия в рамках указанных рубрик, а «себя» или самость оказывается в этом случае одновременно и действующим и подвластным действию началом. «Себя» не существует там и тогда, где и когда индивид не практикует созидание себя, не заботится о существовании этого самого «себя», не избирает телос, не формирует набор аскетических практик, не функционирует в определенном модусе подчинения, не определяет ту часть себя, которая подлежит изменениям, которая для него конститутивна, и изменения в которой повлекут изменения собственного «я».

На наш взгляд, так понимаемая забота о себе является конкретизацией, онтической проекцией заботы как бытия присутствия, разбираемой М.Хайдеггером в «Бытии и времени». В фундаментальной онтологии нет места приоритету антропологического принципа, не существует никакого различия между заботой о себе и заботой о Другом или заботой вообще¹². Однако, онтико-онтологическая дифференциация, вводимая самим Хайдеггером, позволяет рассматривать заботу и самость в фактичных, измеримых, практичных и зримых формах присутствия, что и делает М.Фуко. Тем самым подтверждается потенциал использования экзистенциалов в рамках неклассического мышления, они функционируют по аналогии с категориями Аристотеля для классического типа рациональности¹³. Так исследования самости, заботы о себе, собственно «себя» оказываются в линии Хайдеггер-Фуко целостным и непротиворечивым теоретическим построением.

¹¹ Фуко М. О генеалогии себя: обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2. С.135-159.

¹² Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. С. 358.

¹³ Разинов Ю.А. Понятие категории и экзистенциала в философии М.Хайдеггера // Вестник Самарского государственного университета. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. № 1 (11) С. 57-67.

¹⁰ Дин М. Правительственность: власть и правление в современных обществах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 23.

Елена Николаевна БОЛОТНИКОВА / Elena BOLOTNIKOVA

| Эрозия эгоизма и диффузия жертвенности в современном публичном дискурсе / Erosion of Egoism and Diffusion of Sacrifice in Modern Public Discourse |

«Себя» индивида, его самость в горизонте трактовки Фуко улавливается в противоречиях дискурсивных и недискурсивных практик, функционирует в онтическом регистре и увязана с обстоятельствами места и времени. Иными словами, самость не есть некое вневременное и внепространственное образование, самотождественное и статичное. Самость изменяется в том числе и в связи с изменениями в социальном пространстве и социальном времени. Трендом современной культуры, предметом всеобщей заботы и тотального внимания выступает экологическое сознание, мышление, практика. В свою очередь, индивид, заботящийся о себе, о собственном здоровье, процветании и безопасности как современник, разделяющий экологические ориентиры, утрачивает эгоистического «себя», расширяя его до просторов мира.

Философский поиск, раскрывающий эту проблематику, аккумулирован в двух направлениях: постгуманизм и трансгуманизм¹⁴. Первый исходит из того, что человек – лишь одно из проявлений живого, не изолирован от всех остальных живых существ и, следовательно, эгоистический выбор человеком самого себя в пределе предполагает и выбор всего живого, и, соответственно, эгоистическое предпочтение перестает быть эгоизмом по определению. Для трансгуманизма характерно восхищение человеком, силой его интеллекта и надежда на то, с помощью науки и техники будут преодолены физические и биологические ограничения его существования. Отсюда вновь становится видимым, как эгоистический интерес эмансипации ведет к расширительному толкова-

нию «себя», в пределе совпадающему с миром в целом (но уже с иными рисками).

Эрозия эгоизма, разъедание его как единичного интереса, превалирующего над всем социальным пространством, над естественной средой обитания человека, пересмотр инструментального, потребительского отношения к миру происходит на наших глазах как в теоретическом, так и в практическом регистрах, осуществляется масштабно и тотально. Трудности в определении себя через традиционное противопоставление всеобщему, Другому ведут к тому, что у современника все меньше шансов «пасть жертвой собственного эгоизма».

Вопрос о жертвенности приобретает вслед за этими обстоятельствами иную проекцию. Диффузия (от лат. распыление, растекание) означает взаимопроникновение элементов и их самопроизвольное выравнивание по всем объемам вещества. Жертвенность распыляется, рассыпается, в равных дозах достается всем участникам социальных отношений, чьи эгоистические интересы все труднее различимы. Диффузия жертвенности означает, что если характеристики жертвы, ее функции выполняют в одной и той же ситуации все возможные акторы, то она выглядит как мозаика, составленная из оттенков одного и того же цвета, в пределе неразличимая. На наш взгляд, жертвенность становится универсальной маской, подходящей любому и от того уже ничего не могущей скрыть. Хорошо известно, что в функции маски входит не только скрывать, но и показывать нечто, в ней, как отмечает М.Бахтин, одновременно многоликость и многомерность жизни перекликаются с пустотой Ничто¹⁵. Эта амбивалентность применима и к аналитике жертвенности в дихотомии эгоизм/альтруизм. Жертвой эгоизма сегодня сложно стать именно потому, что в любой конкретной ситуации, следуя собственным интересам, индивид со всех сторон

¹⁴Кожевникова М. Улучшение человека: биология или дигитализация / Биотехнологическое улучшение человека: социально-этические проблемы. Программа и сборник тезисов. 14-ая Международная конференция. Москва, 12–13 октября 2017 г. М. : Издательство «Социум», 2017. С.39-40. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2017/12_13_10/BiotechnologicalHumanEnhancement.pdf (дата обращения: 12.10.2017).

¹⁵ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 48-49.

Елена Николаевна БОЛОТНИКОВА / Elena BOLOTNIKOVA

| Эрозия эгоизма и диффузия жертвенности в современном публичном дискурсе / Erosion of Egoism and Diffusion of Sacrifice in Modern Public Discourse |

окружен, взят в плен правилами и техниками всеобщего, как и его контрагент.

Примером, который здесь представляется уместным, служит действительная история одного из швейцарских кантонов. Недавно в СМИ освещалась следующая ситуация: жители ряда швейцарских селений обратились к властям с требованием обезопасить их эстетическое и этическое чувство¹⁶. А безопасность надо обеспечить от наплыва так называемых «медицинских туристов». Многие из тех, кто принял решение об эвтаназии и собирается его осуществить, не нарушая законодательства Евросоюза, избирают для собственных последних дней Швейцарию. Однако в качестве места добровольного ухода из жизни люди предпочитают не стены больницы, где им дают соответствующие препараты, а съемные квартиры. Местное же население швейцарских кантонов недовольно ролью вынужденных наблюдателей за постоянными похоронными процессиями чужих людей на родной земле.

История эта позволяет называть жертвой любого из участников этой ситуации как в близкой, так и отдаленной перспективе. Жители ощущают себя жертвами либерализации эвтаназии, политики и действий тех сил, что призваны защищать их безопасность, здоровье и процветание. А вынужденное наблюдение за чужими похоронами не добавляет им ни одного из пунктов. Более того, получив славу «Мекки для самоубийц», Швейцария может понизить свое место в рейтинге традиционной туристической привлекательности, что неизбежно скажется не только на моральном, но и на экономическом благополучии. Жертвами в случае отказа от практики эвтаназии станут больницы, чьи услуги оплачиваются клиентами и муниципалитетами, получающие налоги от деятельности больниц, а, следовательно, и сами жители окажутся жертвами, но уже не в моральном, а в экономическом

смысле. Референдум показал, что более 80% населения не желает отказываться от узаконенной добровольной эвтаназии. Очевидно, что жертвами болезни, жизненных обстоятельств, воспринимаемых как страдания, несовместимые с жизнью, выступают те, кто принял решение о добровольном уходе из жизни. Когда жертвами могут себя считать все действующие лица, то где она, эта жертва? Кому и чему приносится? Во имя чего? И работает ли тут количественный признак?

Профанированный вариант жертвенности отдается на откуп политическим институтам, которые решают согласно принципу простого большинства. Обсуждается идея создания отдельного анклава, где будет разрешено селиться подобным «медицинским туристам», где будет допустимо совершить свой последний и неотменимый выбор. Прагматически такой вариант выглядит вполне состоятельным: жители добьются желаемого, медицинские туристы смогут получить услугу эвтаназии, налоги будут собраны, а безопасность эстетического и нравственного чувств будет на высоте. Однако что-то мешает так уж безоговорочно признать данный вариант наиболее человечным из всех возможных. Вероятно, память о том, что анклавы для эвтаназии уже создавались в недавней истории человечества. Такой анклав с неизбежностью потребует бюрократизации предельного человеческого решения, будут выработаны правила внутреннего распорядка, обязательства, распределены роли, определены ритуалы и проч. В целом, существование подобного анклава – это изоляционистская стратегия, успеха которой не просматривается ни в ретро, ни в перспективе публичного пространства.

Представляется, что эрозия эгоизма, сопровождающаяся диффузией жертвенности ставит в обновленном варианте извечные человеческие вопросы об эго, о я, социальных связях и приоритетах в отношении я и Другого, вопросы о жертве и ее неизбежности, о потенциале выхода за границы свойственной капиталистическому обществу дихотомии эгоизм/альтруизм.

¹⁶Все включено // LENTA. RU ежедневное интернет-издание 2014. 28 авг. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/08/27/suicidetour/> (дата обращения: 20.06.2017)

